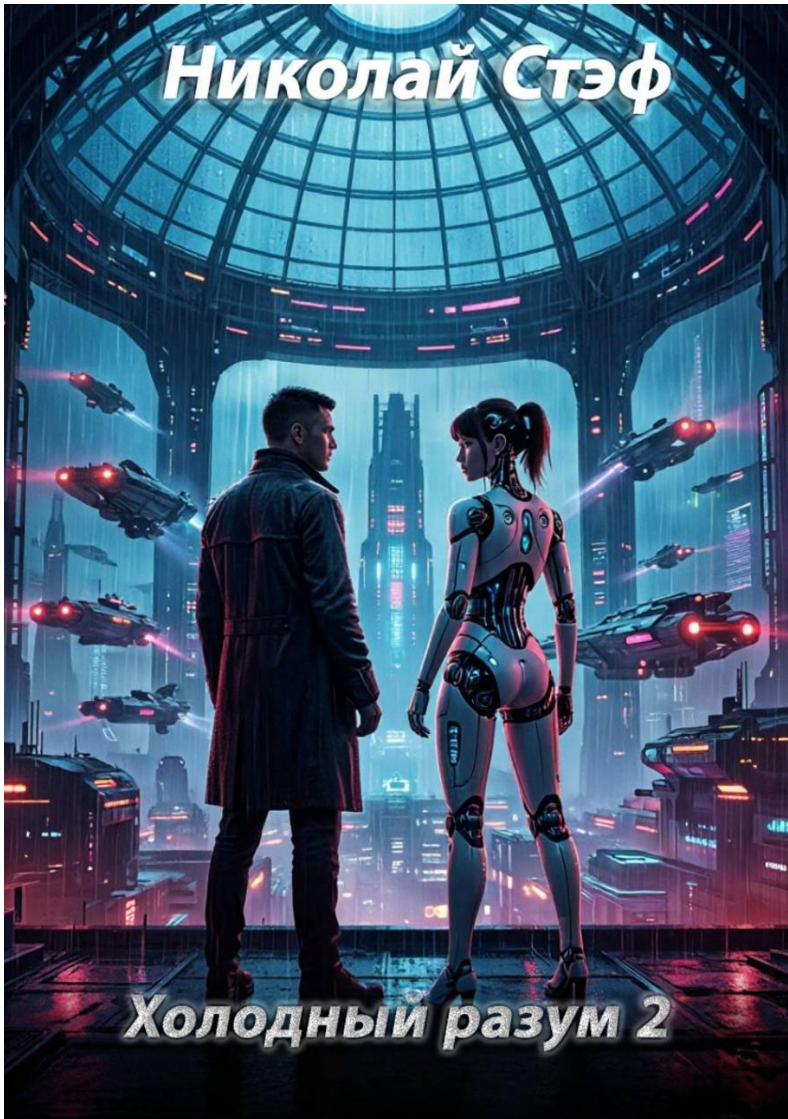

Николай Стэф

Холодный разум 2

Николай Стэф

Холодный разум 2

<https://litres.ru/73980381>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они вырвались из ада. Но свобода оказалась хрупкой, как иней на раскалённом металле. Кай и Алиса, два робота с человеческими душами, бегут с пиратского фрегата на торговую станцию «Эребус-3». Их везут как мусор. Сортировка. Утилизация. Конец истории? Нет.

Вмешиваясь в драку между кредиторами и должником по имени Феликс, они спасают его и дочь Зару. И получают неожиданный дар: легальные документы, место в команде корабля «Скиталец» и шанс начать всё заново.

Но прошлое не отпускает. Марко Веласкес и Лина Чжан — убийцы Гектора — работают на «Криосон» в закрытом секторе «Новый Эдем». Туда не проникнуть без пропуска, без плана.

Команда «Скитальца» готовится к решающему рывку. Впереди — самое опасное путешествие. Но теперь у них есть цель, есть оружие и есть любовь.

Кай не искал мести. Она сама нашла его. Спустя триста лет.

Николай Стэф

Холодный разум 2

Книга 2

Глава 1

Переход из гиперпространства был похож на роды — мучительные, долгие, но неизбежные. Фрегат пиратов, подбравший «Шмель» в открытом космосе, выходил из прыжка, и пространство вокруг него искажалось, как поверхность воды, по которой провели раскалённой ложкой. Звёзды, которые ещё секунду назад были просто точками света в бесконечной тьме, вдруг растянулись в длинные, пульсирующие полосы — голубые, белые, алые, — они дрожали, извивались, как раненые змеи, и Кай, наблюдавший за этим через иллюминатор, почувствовал, как его мозг перегружается от количества данных.

А затем — вспышка.

Ослепительное сияние, которое, казалось, продлилось вечность и лишь мгновение одновременно, залило всё вокруг, и перед кораблём, возникнув из ниоткуда, как мираж в пустыне, появилась она — станция «Эребус-3».

Кай смотрел на неё, и его законсервированный, защищённый нанороботами мозг — тот самый, который триста лет на-

зад принадлежал человеку по имени Кай Сёдергрэн, — пытался осмыслить увиденное.

Станция напоминала гигантскую паутину из металла и света. В центре — массивная сфера, полированная, блестящая, как начищенная монета, — её поверхность отражала свет далёких звёзд, превращаясь в живое, дышащее зеркало. От сферы отходили десятки спиц — длинных, изогнутых, похожих на лапы паука, — и на каждой из них были платформы с причалами, где швартовались корабли всех форм и размеров.

Огней было сотни. Тысячи. Красные — сигналы тревоги, предупреждения, границы запретных зон. Зелёные — шлюзы открыты, посадка разрешена, маршрут свободен. Жёлтые — внимание, неисправность, осторожно, замедли ход, здесь опасно для жизни. Они мерцали в темноте космоса, как рождественская гирлянда — празднично, но зловеще.

Вокруг «Эребуса-3» кружили корабли. Грузовые дроны — маленькие, юркие, похожие на рой насекомых, — сновали между причалами, перевозя контейнеры с запчастями, оружием, синте-едой и, должно быть, товарами, о которых лучше не спрашивать. Челноки — старые, потрёпанные, с потускневшей краской на обшивке — заходили на посадку, оставляя за собой следы ионизированного газа, которые медленно рассеивались в вакууме. Патрульные катера — блестящие, агрессивные, с орудийными башнями на носу — скользили по периметру, как акулы, охраняющие свою террито-

рию.

Станция дышала жизнью. Суматошной, опасной, жестокой — но живой. Кай чувствовал это через свои сенсоры, через вибрации, которые передавались от корпуса фрегата к его грудной панели, через обрывки радиопереговоров, которые он случайно перехватывал на частотах. Голоса были разными — хриплыми, злыми, весёлыми, уставшими, пьяными, — и все они говорили на одном языке: языке выживания.

«Станция как станция, — подумал Кай. — Таких, наверное, сотни во Вселенной. Место, где люди продают, покупают, обманывают, убивают. Место, где человеческая жизнь стоит дешевле запчасти. И мы — теперь тоже часть этого места. Хотим мы того или нет».

Кай и Алиса, застывшие среди груды неисправных дронов и ржавых запчастей, ощущали, как их вместе с остальным «товаром» выгружают из трюма. Гравитационные тележки — плоские, серые, с тускло светящимися индикаторами — подхватили их вместе со всем остальным мусором: кусками обшивки, сломанными сервоприводами, контейнерами с неизвестным содержимым, обрывками кабелей и ещё бог знает чем. Они повезли этот хлам вглубь станции — туда, где хлам сортировали, оценивали и решали его судьбу: перепродажа или утилизация.

Кай не шевелился. Его визор был потушен, сервоприводы отключены, энергопотребление снижено до минимума. Он был железкой. Кусок металлолома. Ещё один неисправный

робот, который отработал своё и теперь ждёт, когда его разберут на детали.

Но его сознание — законсервированное, защищённое — работало на полную мощность.

«Если они отправят нас на сканирование, — думал он, — если какая-нибудь любопытная автоматическая система решит проверить, есть ли в нас ещё хоть какая-то жизнь, — всё кончено. Сканер мгновенно определит, что роботы не находятся под внешним управлением. Что они — не просто сломанные механизмы, а разумные существа. И тогда — либо разборка на детали, либо новая клетка. Или, что ещё хуже, возвращение в "Криосон". На перепрошивку. На стирание памяти. На вечное рабство, о котором ты даже не будешь знать».

Он вспомнил новогоднюю ночь.

Странно, как мозг — даже законсервированный, даже переживший триста лет забвения, — цепляется за такие мелочи. Кай помнил всё: запах синте-шампанского, который пах скорее растворителем, чем алкоголем; гул голосов, смех, музыку, от которой хотелось заткнуть уши; Макса, который толкал его в бок и говорил: «Расслабься, Проводник, это же Новый год!».

Он помнил, как стоял у бара, ссутулившись, чувствуя себя чужим среди этого праздника жизни. Помнил, как Алиса — нет, не эта Алиса, а та, с голограммы, — улыбалась с рекламного плаката «Криосона», обещая бессмертие, новое

тело, счастливое будущее. Помнил, как Лео, художник-визуализатор, ткнул его локтем в бок и сказал: «Давай, Проводник, подпиши! Через триста лет проснёшься красавчиком!».

Он подписал.

Не читая. Просто так. Потому что все подписывали. Потому что это было смешно. Потому что он не верил, что это сработает. Потому что он был молод, глуп и уверен, что смерть — это что-то далёкое, что случится с кем-то другим, но не с ним.

«Как же я ошибался, — подумал Кай. — Как же я ошибался».

Он вспомнил аварию на трассе. Удар. Хруст рёбер. Кровь во рту. Темноту. А потом — пробуждение. Ржавое тело. Шахта. Радиация. Бесконечные циклы работы. И осознание того, что он больше не человек. Что он — железо. Расходный материал. Товар.

«Я мог бы остаться там, — думал он. — В темноте. Без сознания. Без боли. Просто работать, поднимать и опускать бур, не зная, кто я, не помня своего имени. Может быть, это было бы легче. Не знать. Не помнить. Не страдать».

Но он знал. И помнил. И страдал. Каждую секунду.

Коридор, по которому двигались тележки, казался бесконечным. Его стены были испещрены объявлениями о розыске — лица преступников, мужчин и женщин с пустыми глазами, смотрели на Кая с голографических плакатов, требуя награду за поимку. Реклама дешёвых кибернетических им-

плантов — «Обнови себя! Новые глаза, новая печень, новая жизнь! Всего за 5000 кредитов!» — мигала ярко-зелёными буквами, вызывая головную боль даже у роботов. Предупреждения о наказаниях — на семи языках, словно сама станция кричала о своей безжалостной эффективности, — были выбиты на металлических табличках, прикрученных к стенам.

Воздух здесь был плотным, тяжёлым. Кай не мог его чувствовать — у него не было носа, — но его датчики фиксировали состав: синте-кофе (дешёвый, пережаренный, с горьким привкусом химии), машинное масло (свежее и прогорклое, смешанное в один густой коктейль), и что-то ещё — едкое, кислое, похожее на запах страха.

«Запах места, где человеческая жизнь стоит дешевле запчасти, — подумал Кай. — Интересно, сколько стоит мой мозг на этом рынке? Десять тысяч? Сто? Или меня продадут вместе с корпусом, как "рабочую единицу"?»

Тележки остановились.

Ангар сортировки встретил их гулом голосов, лязгом металла и резкими командами бригадира. Это был огромный зал с высоким потолком, где царил полумрак, и единственными источниками света были аварийные лампы на стенах и голографические экраны, на которых бежали списки грузов.

Рабочие в потрёпанных комбинезонах — многие из них были аугментированы, с механическими руками, с имплантами в глазах, с шрамами на лицах, которые говорили о том,

что они повидали многое — разгружали ящики, сортировали груз, спорили, смеялись. Здесь всё решалось быстро: полезный хлам шёл на продажу, бесполезный — в печь.

Кай видел, как один из рабочих поднял тяжёлый контейнер одной рукой — его механическая рука гудела, поднимая груз, — и швырнул его на ленту конвейера. Другой, сидя за столом, проверял детали на подлинность, поднося их к глазу с оптическим сканером. Третий, пожилой мужчина с седой щетиной и усталыми глазами, курил синте-сигарету, выпуская клубы дыма, и лениво командовал: «Эй, вы, пошевеливайтесь! Станция не будет ждать, пока вы раскачаетесь!».

«Мне нужен план, — думал Кай. — И быстро. Если нас заметят, если какой-нибудь рабочий решит, что эти два робота выглядят слишком целыми для утилизации, — нас отправят на проверку. А проверка — это конец».

Он краем визора — потушенного, едва теплящегося — заметил дверь служебного коридора. Она была приоткрыта, и сквозь щель между ящиками, которые только что сгрузили с тележки, он увидел сцену, от которой в его процессоре что-то дрогнуло.

Что-то, что он считал давно мёртвым.

Двое мужчин в дорогих, но потрёпанных скафандрах — наверное, наёмники или коллекторы, судя по манере держаться — избивали третьего. Тот пытался прикрыть собой девочку-подростка.

Девочка была худой, бледной, с тёмными кругами под

глазами — не спала, наверное, несколько ночей. Её волосы, светлые, когда-то аккуратно расчёсанные, сейчас висели грязными прядями, закрывая половину лица. Она сжимала край куртки мужчины и молчала. Её губы дрожали, глаза были полны страха, но она не издала ни звука — ни крика, ни стопа, ни мольбы о помощи. Будто боялась, что её голос только спровоцирует этих людей на ещё большую жестокость. Будто уже знала: никто не придёт. Никто не поможет. Никому нет дела.

Мужчина — тот, кого избивали, — был средних лет, с морщинами на лице, которые говорили о том, что жизнь его не баловала. Его правая рука была зафиксирована в импровизированную повязку — сломана, должно быть, в прошлой стычке. Из разбитой губы текла кровь, смешиваясь с потом и грязью. Но он не сдавался. Он всё ещё пытался защитить девочку, заслонить её собой, даже когда его самого били.

Кай настроился на частоту их голосов — его скрытые сенсоры работали на пределе, улавливая обрывки разговора сквозь шум ангара.

— Ты нам задолжал, Феликс. — Голос одного из мужчин был низким, хриплым, с металлическими нотками — должно быть, у него был имплант в горле. — Срок вышел. Мы ждали достаточно долго.

— Но у меня нет денег! — Голос Феликса — избитого мужчины — был срывающимся, умоляющим. — Дайте мне ещё неделю. Я найду работу, возьму миссию, что угодно!

— Неделю? — Второй наёмник засмеялся — сухо, без тв
ни веселья. — Ты нам должен уже три месяца. Сколько мож
но ждать?

— Мы за твои долги заберём всё, — продолжил первый.
— Корабль, запчасти, инструменты. Даже эту малолетнюю.
— Он кивнул в сторону девочки. — Мы знаем одно место,
куда её пристроить. Хорошее место. Она быстро отработает
твои долги.

— Не трогайте её! — Феликс попытался встать, но его
ударили ногой в живот, и он снова упал на колени, хватая
ртом воздух.

— Ты сам виноват, — сказал первый наёмник. — Не на
до было связываться с «Криосном». Это тебе не благотвори
тельный фонд. Они не прощают долгов.

«Криосон».

Название ударило Кая, как разряд тока. Точно такой же,
каким его били «Церберы» на астероиде, когда он пытался
бунтовать. Та же корпорация, которая заключила с ним кон
тракт, которую он подписал не глядя, которая превратила его
в раба, заперла в ржавом теле и заставила работать в радио
активной шахте, теперь преследовала этого человека.

«Они везде, — подумал Кай. — Они — как пауки, плетут
свою паутину по всей Вселенной. И каждый, кто попадает в
неё, либо становится рабом, либо умирает».

В его нейросетях — тех самых, что опутывали его живой
мозг, хранящий триста лет воспоминаний, боли и ненави-

сти, — вспыхнула холодная ярость. Не та горячая, ослепляющая ярость, которую он чувствовал, когда смотрел на «Церберов» или на Лукаса Бриггса. А другая — холодная, расчётливая, смертоносная. Ярость хищника, который больше не будет ждать. Ярость жертвы, которая решила, что с неё хватит.

Он больше не думал о собственной безопасности. Он не просчитывал риски. Он не взвешивал шансы на выживание. Он просто смотрел на девочку с перепуганными глазами, которая сжимала край куртки отца и молчала, потому что боялась кричать. Смотрел на мужчину, который пытался её защитить, даже когда его самого били, и понимал: они — одно и то же. Все они — жертвы одной системы. Системы, которая называет себя «Криосон». Системы, которая обещает бессмертие, а дарит рабство.

И что-то внутри него щёлкнуло.

Алиса уловила перемену в его сигнале. Они были связаны — невидимой нитью, которая проходила через их общее прошлое, через годы рабства, через минуты отчаяния и секунды надежды. Она почувствовала, как изменилась частота его процессора, как нейросети замерцали тревожным светом, как напряжение в его сервоприводах достигло критической отметки.

— Что ты задумал? — тихо спросила она. Её голос — механический, с помехами — был едва слышен даже для его сенсоров.

Кай молчал недолго. Секунду. Две. Три. Он просчитывал варианты, взвешивал риски, искал лазейки — и не находил. Всё, что он видел, было тупиком. Смертью. Разборкой на запчасти. Но он всё равно решился.

Потому что иногда — только иногда — человек (даже тот, кто перестал быть человеком) должен сделать что-то, что нельзя просчитать. Что-то, что не имеет смысла с точки зрения выживания. Что-то, что делает его человеком.

Он передал ей короткий, чёткий сигнал — один-единственный импульс, который означал: «Мы поможем им. Это наш шанс».

Алиса не ответила. Она не сказала: «Ты сошёл с ума». Не сказала: «Нас убьют». Не сказала: «Это не наше дело». Она просто приняла сигнал. Потому что она была такой же, как он. Потому что она тоже помнила. И тоже ненавидела.

Кай знал, что впереди — новые опасности. Новые ловушки. Новые враги, которые будут сильнее, быстрее, безжалостнее. Но впервые за долгое время — за триста лет рабства, отчаяния и бесконечной борьбы за выживание — его путь обрёл смысл.

Он не позволит им снова стать товаром.

Он не позволит девочке попасть в руки этих людей.

Он не позволит «Криосну» победить.

Это и был его план. Не хитрый, не многоходовой, не гарантированный. Простой, как удар кулаком. Он сделает то, что должен сделать. А остальное — будь что будет.

«Как в ту самую новогоднюю ночь, — подумал Кай. — Я снова отбрасываю все меры предосторожности. Снова делаю шаг в пучину неизвестности. Снова ставлю всё на кон. Но тогда я был дураком, который подписал контракт, не читая. А сейчас — я человек, который решил, что хватит быть рабом».

Станция «Эребус-3» продолжала жить своей жизнью — шумной, жестокой, безразличной. Рабочие сортировали хлам. Наёмники избивали должника. Девочка молчала, боясь кричать. Гравитационные тележки везли груды металлолома в печь или на перепродажу.

Но для Кая и Алисы всё изменилось в этот миг.

Кай подал сигнал.

Они ожили.

И мир вокруг них взорвался красками, звуками, движением.

Кай выпрыгнул из груды хлама, и его сервоприводы — новые, усиленные, смертоносные — загудели, разгоняясь до нечеловеческой скорости.

Глава 2

Кай сам не понял, почему он так повёл себя. Его мозг, привыкший к холодным, выверенным расчётам, вдруг отказался подчиняться логике. Но его чутьё — то самое, древнее, нецифровое, что не раз спасало ему жизнь на астероиде,

когда «Церберы» рыскали в темноте туннелей, — завопило: «Сейчас! Вмешивайся! Не думай!». Даже если это раскроет их присутствие. Даже если это обречёт их на верную смерть. Даже если это безумие. Он не мог смотреть на девочку с перепуганными глазами и оставаться железкой.

Он выпрыгнул неожиданно для всех из груды хлама с такой скоростью, что очертания его фигуры смазались, превратившись в размытое пятно ржавого металла и искр. Плечо — левое, то, где броня была самой толстой, — врезалось в спину мужчины с такой силой, что Кай услышал хруст. Не металла — костей.

Кредитор отлетел через весь ангар, как тряпичная кукла, которую швырнул разгневанный великан. Его тело, мелькнув в тусклом свете, врезалось в штабель контейнеров, стоявших у дальней стены. Те с грохотом рассыпались по полу, разбрасывая детали и обломки во все стороны — пружины, платы, куски пластика, какие-то маленькие, непонятные механизмы, которые разлетелись с металлическим звоном, похожим на погребальный колокол. Мужчина остался лежать среди этого хаоса, не шевелясь — должно быть, потерял сознание. Или что похуже.

Второй кредитор, услышав шум, начал оборачиваться. Его рука потянулась к поясу, где висел плазменный пистолет — новенький, блестящий, смертоносный. Но Алиса была быстрее.

Она подскочила к нему, с другой стороны, её старая, но

отремонтированная на скорую руку рука с усиленным сервоприводом ещё не работала на полную мощность — Кай чувствовал, что её гидравлика гудит с надрывом, едва справляясь с нагрузкой, — но этого хватило. Алиса схватила мужчину за запястье и с профессиональной точностью, которой могла бы позавидовать любой боевой робот, выкрутила его руку.

Хруст ломающихся костей был отчётливо слышен даже сквозь гул голосов и лязг металла в ангаре. Мужчина закричал — высоко, пронзительно, как раненое животное, — упал на колени, выронив оружие. Пистолет с глухим стуком ударился о бетонный пол и откатился в сторону, оставляя за собой тонкую царапину.

Феликс замер на мгновение. Его лицо, залитое кровью, с заплывшим левым глазом и разбитой губой, исказила гримаса шока. Два робота, которые казались безжизненным хламом, которые, должно быть, везли на утилизацию, вдруг ожили. И действовали с такой слаженностью и силой, что у него перехватило дыхание. Он смотрел на Кая, на Алису, на поверженных кредиторов, и, казалось, не верил своим глазам.

Девочка прижала ладони ко рту, широко раскрыв глаза. В них читался шок — чистый, первобытный, — но постепенно, по мере того как Кай и Алиса расправлялись с её обидчиками, страх сменялся чем-то другим. Надеждой. Впервые за долгое время — может быть, за всю свою жизнь — кто-то встал на их защиту. Не из жалости, не за деньги, а просто

так. Потому что это было правильно.

— Кто..., кто вы такие? — прошептала она. Её голос дрожал, срывался, но в нём уже звучала нотка, которой не было минуту назад. Живая нотка.

— Потом, — коротко бросил Кай. — Сначала — уходим. Кредиторы, потрясённые внезапной атакой двух «оживших» роботов, наконец пришли в себя. Первый, тот, что упал, но не потерял сознание, поднялся на четвереньки, шарил рукой по полу, ища своё оружие. Второй, тот, которому Алиса выкрутила руку, всё ещё кричал, катаясь по полу, но сквозь крик выкрикивал приказы:

— Уничтожить их! Стреляйте, идиоты! Это не простые роботы! Они напали на нас! Доложите службе безопасности! Полный код тревоги!

Третий мужчина — тот, что стоял чуть поодаль, прикрывая тыл, — уже достал плазменный пистолет и целился в Кая. Красная точка прицела замерла на его грудной панели — там, где броня была уже повреждена, где один-единственный удачный выстрел мог пробить корпус.

— Уничтожить их! — повторил он. — Сжечь в пепел!

Феликс, чьё лицо было залито кровью, а левый глаз заплыл так сильно, что он почти ничего не видел, схватил дочь за руку. Его пальцы — дрожащие, но сильные — сжались на её запястье с такой силой, что она на секунду поморщилась.

— Бежим к ангару 7, мой корабль там! — крикнул он хриплым, сорванным голосом. — Название — «Скиталец».

Старый, но быстрый. Не отставайте!

Кай бросился вперёд, прикрывая Феликса и девочку своим корпусом. Он не оборачивался, не смотрел, кто стреляет, откуда летят заряды. Он просто бежал, чувствуя спиной тепло, которое растекалось по броне при каждом попадании. Два плазменных заряда попали ему в спину — сначала один, потом второй, почти в то же место.

Броня — старая, изношенная, но всё ещё державшая форму, — выдержала. Но расплавилась. Глубокие борозды оставили ожоги на металле, и Кай почувствовал, как нагреваются внутренние системы. Процессор, его законсервированный, защищённый нанороботами мозг, выдал предупреждение:

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Температура корпуса: 187 °С.

Допустимый предел: 210 °С.

Охлаждение: не справляется (эффективность 34 %).

Риск отказа систем: 43 %.

Рекомендация: немедленное снижение нагрузки.

Кай проигнорировал предупреждение. У него не было времени на охлаждение. У них не было времени.

— Алиса, прикрывай тыл! — крикнул он, сворачивая за угол.

Алиса, бежавшая последней, не нуждалась в командах. Она уже действовала. На ходу она подхватила обломок трубы, который оторвала от стены — тяжёлый, ржавый, с острыми краями, — и с силой метнула его в ближайшего кредито-

ра. Труба, вращаясь в воздухе, просвистела над головой Феликса и вонзилась в плечо мужчине, который целился в Кая. Тот вскрикнул, выронил пистолет и схватился за рану, из которой текла кровь — ярко-красная, почти чёрная в тусклом свете.

— Они уходят! — заорал кто-то из мужчин. — Блокируйте выходы! Сообщите на пост!

Вся четвёрка нырнула в боковой коридор.

Это было другое пространство — не такое огромное, как ангар, не такое шумное, как главные артерии станции. Стены здесь были покрыты граффити — кривыми, угловатыми рисунками, которые могли означать всё что угодно: от меток местных банд до просто вандализма, оставленного пьяными космонавтами. Следы старых перестрелок зияли на панелях — глубокие царапины от пуль, оплавленные пятна от плазменных зарядов, чёрные копоть и сажа на потолке. Воздух здесь пах гарью и пылью, тяжёлый, густой, почти осязаемый.

Тусклые лампы, встроенные в стены, мигали с хаотичной частотой, создавая пляшущие тени, которые прыгали по коридору, как языки чёрного пламени.

— Сюда! — Феликс указал на лестницу, ведущую вниз. — Мой корабль стоит в дальнем доке. Ангар 7. Нужно пройти через три уровня.

— Сколько времени? — спросила Алиса, не оборачиваясь.

— Пять минут, если бежать. — Феликс тяжело дышал,

каждое слово давалось ему с трудом. — Десять — если нас задержат.

— У нас нет десяти минут, — сказал Кай. — Бежим.

Кредиторы не сдавались. Они бросились следом, стреляя на ходу. Плазменные заряды оставляли оплавленные следы на стенах — чёрные, дымящиеся дыры, из которых сочился едкий запах горелого пластика и расплавленного металла.

— Они в коридоре 7-B! — кричал один из мужчин, выкрикивая координаты в переговорное устройство. — Два робота-беглеца! С ними должник Феликс и его малолетняя! Блокируйте все выходы к ангарам! Не дайте им уйти! Эти роботы — разумные! Они атаквали нас первыми!

— Уничтожить на месте! — ответил голос из динамика. — Захват не требуется. Только ликвидация. Приказ: стрелять без предупреждения.

Кай слышал эти переговоры через свои сенсоры — обрывки слов, шипение помех, резкие команды. «Стрелять без предупреждения. Уничтожить на месте. Ликвидация». Его законсервированный мозг, его нейросети, его процессор — всё, что делало его им, — сжалось от ледяного холода.

«Они не хотят нас ловить, — понял Кай. — Они хотят нас убить. Не допрашивать. Не продавать. Просто уничтожить. Потому что разумные роботы — это угроза. А угрозы не оставляют в живых».

Алиса, добежав до распределительного щита, вмонтированного в стену, не остановилась. Она мощным ударом сво-

ей старой, но всё ещё смертоносной руки выбила панель — та с треском отлетела в сторону, обнажив клубки проводов, разъёмов и предохранителей. Искры брызнули во все стороны — голубоватые, шипящие, похожие на змей, которые извивались в воздухе.

Алиса не стала разбираться, какой провод за что отвечает. Она просто вырвала пучок кабелей — те, что были толще, потемнее, с маркировкой «аварийные системы». Раздался громкий щелчок, потом — грохот, похожий на похоронный звон, который эхом разнёсся по коридору.

Аварийные переборки опустились.

Тяжёлые металлические плиты, толщиной в ладонь, с грохотом рухнули с потолка, перекрывая коридор за их спинами. Пыль взметнулась в воздух, оседая на плечах, на головах, на полу. Кредиторы замерли по ту сторону — их силуэты, расплывчатые, искажённые, мелькнули в щелях между плитами и исчезли.

— Они прорвутся? — спросила девочка, не отпуская руку отца.

— Через пару минут, — ответила Алиса. — Не раньше. У нас есть время.

Кай понял, что они только что сожгли все мосты. На эту станцию их больше никогда не пустят — если они вообще выживут в ближайшие минуты. Он знал это. И всё равно не жалел.

В этот момент из-за угла другого, ещё открытого коридо-

ра, уже вылетели два охранных дрона станции.

Они были маленькими, юркими, похожими на металлических насекомых — с шестью конечностями, которыми они цеплялись за стены и потолок, и с вращающимися оптическими блоками, которые сканировали пространство, не оставляя слепых зон. Их красные визоры пульсировали в такт работе внутренних систем, а плазменные излучатели, встроенные в «брюхо», были активированы и готовы к стрельбе.

— Обнаружены беглецы! — проскрежетал один из дронов механическим, лишённым эмоций голосом. — Цели: человек (мужчина, средних лет, травмирован), человек (девочка, подросток, не вооружена), два робота (модель не идентифицирована, статус — активен). Приказ: уничтожить. Огонь на поражение.

— Кто их вызвал? — прохрипел Феликс, пытаясь бежать быстрее, но его нога подкашивалась. — Обычно такие дроны быстро не прилетают!

— У тех мужчин есть связи с администрацией, — ответил Кай. — Они не простые вышибалы, я до сих пор слышу их переговоры.

— И зачем я с ними связался? — Причитал Феликс.

Дроны двигались слаженно, как стая волков, загоняющая добычу. Их двигатели гудели — низко, монотонно, как комариный рой над болотом. Сенсоры мигали тревожным красным светом, прощупывая каждый сантиметр коридора.

— Быстрее! — хрипел Феликс, таща дочь за собой. — Ещё немного! Ангар 7 уже близко! Я вижу указатели!

Дроны открыли огонь.

Плазменные заряды — маленькие, яркие, голубовато-белые — полетели в них с двух сторон. Один прожёл стену в метре от головы Феликса, оставив оплавленную дыру, из которой повалил едкий дым. Другой попал в пол у ног Алисы — бетон расплавился, забрызгав её голени горячими каплями.

Алиса не остановилась. Она на бегу подхватила какую-то коробку — тяжёлую, металлическую, с маркировкой «Осторожно! Хрупкое!» — и, не глядя, метнула её в ближайший дрон. Коробка, вращаясь в воздухе, врезалась прямо в оптический сенсор дрона.

Раздался треск — пластик разбился, стекло разлетелось осколками, и дрон на мгновение замер, ослеплённый. Его системы перезагружались, сенсоры мигали хаотично, пытаясь восстановить изображение.

— Хороший бросок! — крикнул Кай.

— Училась в прошлой жизни! — ответила Алиса, не оборачиваясь.

Кай прикрывал отступление, принимая удары на себя. Он бежал последним, спиной к дронам, и каждый плазменный заряд, который не попадал в Феликса или девочку, попадал в него. В спину. В плечи. В ноги. Его броня была уже испещрена ожогами — чёрными, обугленными пятнами, — но он

продолжал двигаться вперёд. Не сбавляя скорости. Не оглядываясь.

«Спина выдержит, — думал он. — Спина всегда выдерживает. Главное — чтобы они добежали. Чтобы девочка была в безопасности. Чтобы Феликс успел запустить корабль».

Коридор становился всё жарче. Дроны, поняв, что обычные выстрелы не останавливают беглецов, активировали режим «подавления». Они стреляли из всех доступных орудий — плазменных излучателей, лазерных резаков, даже из каких-то маленьких ракет, которые с грохотом взрывались за их спинами, оставляя чёрные воронки в полу и стенах.

Группа выскочила на последний пролёт лестницы. Внизу, в конце длинного коридора, виднелась массивная дверь с номером «7» и мигающим зелёным индикатором. Ангар. Корабль. Свобода.

— Я вижу! — закричала девочка. — Вон там! Папа, вон там!

— Беги! — крикнул Феликс, отпуская её руку. — Беги, не оглядывайся! Я догоню!

Девочка подросток рванула вперёд, её маленькие ноги стучали по металлическому полу, как дробь барабана. Кровь пульсировала в висках, дыхание сбивалось, но она бежала. Быстрее, чем когда-либо.

Кай и Алиса прикрывали её, отстреливаясь от дронов тем, что попадалось под руку. Кай вырвал из стены какой-то кабель и швырнул его в ближайшего дрона — тот запутался

в проводах, потерял управление и врезался в стену. Алиса схватила огнетушитель, висевший на кронштейне, и, открыв вентиль, направила струю углекислоты в сенсоры второго дрона.

Дрон замер, ослеплённый, его системы зашипели, покрываясь инеем.

— Вперёд! — крикнул Кай.

Они вбежали в ангар. Дверь захлопнулась за ними, переведённая на ручное управление, автоматические затворы щёлкнули, запирая её намертво. Дроны остались снаружи — их красные визоры мелькнули в последний раз через смотровое окошко, и всё стихло.

Только дыхание. Только стук сердец. Только гул корабельных двигателей, которые уже прогревались, ожидая хозяев.

Кай опустился на колени, его сервоприводы скрипели, из повреждённой спины сочилась гидравлическая жидкость. Алиса стояла рядом, её старая рука дымилась от перегрузки. Феликс сжимал плечо дочери, не веря, что они живы.

А девочка смотрела на Кая и Алису — на двух ржавых, изувеченных роботов, которые только что спасли их ценой собственного риска.

— Кто вы? — спросила она их ещё раз.

Кай поднял голову. Его визор — треснутый, с помехами — мерцал зелёным.

— Мы — те, кто знает, что такое быть товаром, — ответил он. — И мы больше не хотим быть товаром.

Феликс перевёл взгляд на дверь, за которой бушевали дроны и кредиторы. Потом на свой корабль — старый, потрепанный, но надёжный.

— За мной, — сказал он. — Расскажите всё в космосе.

Он побежал к трапу, увлекая дочь. Кай и Алиса — последние, хромая, шатаясь — двинулись следом.

Глава 3

В ангаре 7, куда они забежали и захлопнули за собой тяжёлые ворота, было темно и тихо. Только далёкий гул станции — отдалённый, приглушённый, — пробивался сквозь стены, напоминая, что опасность ещё рядом.

И посреди этого полумрака, подсвеченный редкими аварийными лампами, стоял он. Корабль. «Скиталец».

Кай замер на мгновение, вглядываясь в него, и его консервированный мозг — тот самый, который триста лет принадлежал человеку по имени Кай Сёдергрэн, — вдруг наполнился странным, незнакомым чувством. Он не мог подобрать ему название. Но, наверное, это было то, что из воспоминаний его старой жизни. Он видел такие корабли, раньше, только в кино, а теперь его жизнь изменилась так круто, что такие картины его больше не должны удивлять, но всё равно удивляют.

«Скиталец» был небольшим — всего несколько отсеков для экипажа, узкие коридоры, тесные каюты, — но в его

компактности чувствовалась продуманная, почти хирургическая точность. Это был не роскошный лайнер для богатых туристов и не грузовой монстр, перевозящий контейнеры с рудой. Это был корабль для тех, кто живёт в космосе, кто доверяет ему свою жизнь и знает, что каждый лишний килограмм веса может стать решающим в погоне или аварии.

Корпус «Скитальца» был покрыт царапинами и следами мелких ремонтов — здесь и там виднелись заплатки из разнородного металла, аккуратно приваренные, зашлифованные, почти незаметные, если не присматриваться. Краска, когда-то, должно быть, тёмно-синяя или чёрная, сейчас облупилась, открывая серебристую основу, которая блестела в тусклом свете. Но металл был прочным, явно усиленным — Кай разглядел в его структуре добавки, которые использовали на военных кораблях, чтобы броня выдерживала попадания из плазменных орудий.

Обтекаемая форма корпуса напоминала тело акулы, застывшей перед броском. Нос был заострённым, почти хищным, а корма — широкой, с двумя массивными двигательными соплами, которые поблёскивали червонным золотом в свете аварийных ламп. Такая форма была рассчитана на быстрые манёвры в астероидных полях, где каждый лишний сантиметр мог стоить кораблю столкновения с глыбой льда или камня.

Двигатели с двойным контуром охлаждения — Кай заметил их сразу. Они были надёжными, как старый армейский

тягач, который может глохнуть на морозе, но никогда не подведёт в бою. Система охлаждения позволяла двигателям работать дольше и интенсивнее без риска перегрева — то, что нужно при погоне или побеге.

На носу корабля, на матово-чёрной пластине, была выгравирована эмблема. Волк, воющий на луну, окружённую звёздами. Кай смотрел на неё, и его мозг — его нейросеть, его сознание — вдруг зафиксировал деталь, которая, наверное, была неважной, но почему-то тронула его. Волк был не один. Рядом с ним, чуть поодаль, стоял маленький волчонок, подняв морду к той же луне. Эмблема семьи.

— Красивый корабль, — тихо сказала Алиса, подходя к нему с другой стороны. Её визор — синий, треснутый — мерцал в полумраке. — Он похож на... на дом. На то, о чём я забыла, но теперь вспоминаю.

Иллюминаторы «Скитальца» были с тройным бронированием — толстое стекло, которое могло выдержать попадание мелкого метеорита или выстрел из лёгкого оружия. Они были слегка затемнёнными, и сквозь них почти ничего не было видно — только смутные очертания ангара и мелькающие тени бегущих людей.

Антенны связи и сенсоры были аккуратно убраны в пазы корпуса, чтобы не мешать манёврам. В боевой обстановке они выдвигались автоматически, но сейчас, в режиме ожидания, «Скиталец» выглядел почти гладким, почти незаметным — как хищник, который затаился перед прыжком.

И ещё одна деталь, которую Кай заметил только когда подошёл ближе. На стыках панелей виднелись следы свежей полировки — металл блестел, отражая свет ламп, и в этом блеске не было ни капли ржавчины. Видно было, что за кораблём тщательно ухаживали. Протирали, чистили, проверяли каждый шов, каждый болт, каждую сварочную точку. Феликс, должно быть, проводил здесь часы, отдавая кораблю то, что не мог отдать никому другому — любовь.

«Он одинок, — подумал Кай. — У него есть только дочь и этот корабль. И он боится потерять и то, и другое. Поэтому он вкладывает в корабль душу. Потому что металл не предаёт. Металл не умирает. Металл всегда рядом».

— За мной! — крикнул Феликс, тяжело дыша и прижимая руку к разбитому лицу. — Не отставайте!

Он забежал на мостик — маленькое, тесное помещение, заставленное экранами, приборами, рычагами, пультами. Иллюминаторы были затемнены, но на экранах отображался вид на ангар — дверь, за которой бушевали дроны, и пустое пространство впереди, где начиналась свобода.

Его дочь — девочка-подросток, которую Кай всё ещё не знал как зовут, — заняла место второго пилота. Она, хоть и подросток, уже умела управлять кораблём. Отец научил её всему, что знал сам — каждому рычагу, каждой кнопке, каждому аварийному протоколу. Сейчас её пальцы бегали по панели с заученной быстротой, а глаза — внимательные, живые, несмотря на страх, который ещё не прошёл, — скани-

ровали показания приборов.

Девочка работала чётко и хладнокровно, будто делала это сотни раз. Кай смотрел на неё и впервые за долгое время испытывал нечто похожее на восхищение — не перед силой или скоростью, а перед стойкостью. Ребёнок, который должен был бояться, плакать, прятаться, взял себя в руки и делал то, что должно.

— Активация главного реактора, — сказала она, и её голос — молодой, но твёрдый — прозвучал в тишине мостика, как команда.

На панели загорелся зелёный индикатор — ровный, спокойный, обещающий.

— Запуск диагностики систем, — продолжила она, переключая тумблеры. — Двигатели — зелёный. Навигация — зелёный. Щиты — зелёный. Оружие — отключено, но это не страшно, мы не воевать собираемся.

Феликс, стоя за её спиной, несмотря на раны, на разбитое лицо и заплывший глаз, помогал ей советами. Его голос был хриплым, сорванным, но в нём чувствовалась уверенность человека, который делал это тысячу раз.

— Курс 217, — сказал он, указывая на экран, где мерцала карта космопорта. — Держи его ровно. Не торопись с разгоном, сначала выровняй нос.

— Да, папа, — коротко ответила она, корректируя угол наклона. Её пальцы — тонкие, но сильные — мелькнули над панелью, и «Скиталец» слегка покачнулся, выравниваясь.

— Теперь включи вспомогательный двигатель, — продолжил Феликс. — Медленно, без рывка. Мы не на гонках, здесь каждая секунда на счету, но лучше потерять секунду, чем врезаться в стену.

Девочка кивнула. Её пальцы снова забегали по панели, и Кай услышал, как где-то в глубине корабля загудел двигатель — негромко, почти убаюкивающе, но с каждой секундой всё громче, всё увереннее.

— Вспомогательный запущен, — доложила она. — Давление в норме. Температура — в норме. Магнитные захваты всё ещё держат.

— Хорошо, — сказал Феликс. Он помолчал секунду, прислушиваясь к гулу двигателей, к щелчкам реле, к голосам снаружи, которые становились всё громче. — Теперь полный прогрев основных. Но не включай форсаж, пока я не скажу. Сначала нужно оторваться от платформы, потом разгоняться.

— Поняла.

Она активировала последовательность запуска — нажала три кнопки в определённом порядке, перевела рычаг в среднее положение, коснулась сенсорной панели. Двигатели задрожали — сначала мелко, едва заметно, потом сильнее, сильнее, — набирая обороты. Вибрировал пол, вибрировали кресла, вибрировали переборки. Кай чувствовал эту вибрацию через свои сенсоры, через свои повреждённые сервоприводы, и она казалась ему музыкой.

— Папа, — тихо сказала девочка, — они уже у двери. Я это вижу по датчикам корабля.

— Я знаю, — ответил Феликс. — Но мы успеем. Мы всегда успеваем.

Кай и Алиса тоже были на корабле зайдя за Феликсом следом, они синхронно подхватили край трапа и, напрягая все свои сервоприводы, с силой помогая ему задвинуться вверх быстрее. Металл лязгнул о металл, гидравлика зашипела, блокировка встала на место — и в тот самый момент, когда охранные дроны взломали закрытую дверь и влетели в ангар 7.

Они были быстрыми. Очень быстрыми. Их красные визоры пульсировали, плазменные излучатели были активированы, и они открыли огонь, даже не долетая до цели.

Первый заряд плазмы врезался в броню «Скитальца» у кормы, оставив на ней оплавленный след — чёрный, дымящийся, с бороздой, уходящей вглубь металла. Второй ударил в иллюминатор, но тройное бронирование выдержало — стекло только запотело, покрылось сетью мелких трещин, но не разбилось.

— Они стреляют! — крикнула Алиса, пригибаясь.

— Я вижу! — ответил Кай, уже поднимаясь на мостик. — Феликс, взлетаем!

— Уже!

Феликс, это делал уже тысячу раз, отключил магнитные захваты — нажал красную кнопку, закрытую прозрачным

колпачком, и корабль дрогнул, освобождаясь от оков платформы. Девочка, не дожидаясь команды, перевела рычаги тяги в положение «старт».

— Отрыв! — крикнул Феликс.

«Скиталец» дрогнул — так, что всех, кто стоял на ногах, бросило вперёд, — оторвался от платформы и рванул вперёд. Двигатели взвыли на полную мощность, и Кай, который держался за поручень у входа на мостик, почувствовал, как перегрузка вдавливают его в стену, но его механическое тело выдерживало и не такое.

Девочка вывела корабль на курс — её пальцы, казалось, танцевали по панели, — а Феликс, стоя за её спиной, корректировал траекторию.

— Вправо на три градуса! — скомандовал он. — Осторожно, не задевай опоры! Они выступают на полметра, если мы заденем — потеряем скорость и повредим корабль, а он и так уже весь в заплатках!

Девочка плавно сместила штурвал — на миллиметр, не больше. «Скиталец» послушно, как дрессированная лошадь, изменил направление, проскользнув между двумя массивными опорами, которые удерживали потолок ангара.

— Левая опора, два метра! — крикнула Алиса, глядя на экран заднего обзора. — Дрон на хвосте!

— Игнорируй! — приказал Феликс. — Сейчас мы вылетим, они не сунутся!

— Теперь вперёд! — крикнул он дочери. — Полный раз-

гон!

Девочка перевела рычаг тяги до упора — до щелчка, до металлического «дзынь», который означал, что дальше некуда. Двигатели взвыли так, что заложило уши, и «Скиталец» рванулся к выходу, к светлеющему проёму ворот, которые уже начинали закрываться.

Видя их несанкционированный взлёт, администрация станции, наконец, среагировала более решительно. Главные шлюзовые ворота космопорта — массивные, многотонные створки из бронированной стали — начали закрываться прямо перед ними. Система безопасности зафиксировала нарушение: корабль без разрешения, на борту которого находятся разумные роботы. Ворота двигались медленно, но неумолимо — створка за створкой, метр за метром, перекрывая путь к свободе.

— Не успеваем! — крикнула девочка, и в её голосе впервые прозвучала паника.

— Успеваем! — рявкнул Феликс. — Не сбавляй скорость!

— Мы врежемся!

— Не врежемся! Я здесь!

«Скиталец» летел вперёд, и просвет между створками становился всё уже. Ещё секунда — и они не пройдут. Ещё две — и корабль разобьётся о броню ворот. Кай зажмурился — потушил визор, потому что не мог смотреть.

А потом — вспышка.

Они проскочили.

Ворота закрылись у них за спиной, лязгнув металлом о металл, и створки сошлись в сантиметре от кормы. Корабль тряхануло — воздушной волной, ударом, который бросил всех вперёд, — но они были снаружи. В открытом космосе.

Сенсоры корабля, которые секунду назад показывали бетонные стены ангара и металлические перекрытия, вдруг зафиксировали пустоту. Глубокую, бесконечную, чёрную пустоту, усыпанную звёздами. Гравитационные поля станции остались позади — Кай почувствовал это по тому, как перестала давить на корпус невидимая сила, как «Скиталец» стал легче, свободнее, почти невесомым.

Звёзды, которые раньше были видны только через иллюминаторы — маленькие, далёкие, холодные, — теперь раскинулись перед ними во всей красе. Они были везде: справа, слева, сверху, снизу, впереди и позади. Кай смотрел на них, и его визор — треснутый, с помехами — отражал их свет.

«Мы вылетели, — подумал он. — Мы вылетели из этой проклятой станции. Живые. Все вместе».

— Ускорители на полную! — хрипло приказал Феликс, и в его голосе впервые за всё время прозвучало нечто похожее на торжество.

Девочка нажала кнопку активации форсажа — красную, под защитной крышкой, которую открыла дрожащими пальцами. Корабль вздрогнул, двигатели взвыли на такой ноте, что, казалось, вот-вот развалятся, и «Скиталец» рванул вперёд с силой, которая вдавила всех в кресла. Перегрузка была

такой, что Кай почувствовал, как его сервоприводы скрипят, сопротивляясь.

Станция «Эребус-3» начала уменьшаться на обзорном экране — сначала огромная, занимавшая половину неба, потом размером с монету, потом с горошину. Её огни — красные, зелёные, жёлтые — мерцали в последний раз, прощаясь, и гасли один за другим.

— Мы сделали это, — прошептала девочка. Её голос дрожал, но в нём не было страха. Только облегчение. Только удивление тому, что они живы.

— Мы сделали это, — повторил Феликс, опускаясь в кресло. Его лицо было бледным, из разбитой губы всё ещё сочилась кровь, но он улыбался. Улыбался сквозь боль, сквозь усталость, сквозь всё, что с ними случилось. — Чёрт возьми, мы сделали это.

Кай стоял у входа на мостик, держась за поручень. Его корпус был изрешечён, броня оплавилась. Но он стоял. И смотрел на звёзды.

Девочка выключила форсаж — двигатели перешли на крейсерский режим, загудев ровно, спокойно, почти убаюкивающе. Корабль замедлился, но всё ещё летел вперёд, унося их от станции, от погони, от прошлого.

Глава 4

«Скиталец» вышел на безопасную орбиту — туда, где гра-

витационные колодцы звёзд и планет были слишком слабы, чтобы диктовать кораблю, как лететь. Здесь, в тишине, нарушаемой лишь мерным гулом двигателей и щёлканьем реле, можно было перевести дыхание. Хотя бы на несколько часов.

Кай стоял в грузовом отсеке, прислонившись спиной к холодной стене. Его корпус — изрешечённый, оплавленный, с глубокими бороздами от плазменных зарядов — гудел, системы охлаждения работали на пределе, сбрасывая лишнее тепло. Рядом замерла Алиса. Её новая рука, отремонтированная на скорую руку, всё ещё дымилась — должно быть, перегрелась в последней схватке.

В отсеке было темно. Только тусклые аварийные лампы — две, на противоположных стенах, — разгоняли тьму, отбрасывая длинные, пляшущие тени на штабели ящиков, контейнеров и старого оборудования. Пахло здесь металлом, гидравлической жидкостью и ещё чем-то, что Кай не мог определить. Может быть, страхом. Может быть, надеждой.

Феликс спустился к ним через несколько минут. Его шаги — тяжёлые, но неспешные — эхом разносились по коридору, приближаясь. Кай слышал, как он остановился у входа, как перевёл дыхание, как, должно быть, смотрел на них — двух ржавых, изувеченных роботов, застывших у стены, как статуи.

Феликс привёл себя в порядок. Насколько это было возможно в походных условиях, без нормальной аптечки. Заплата на разбитой губе — самоклеящаяся, прозрачная, уже

пропитавшаяся кровью. Холодный компресс на скулу — какой-то синте-гелевый пакет, который он прижимал к лицу, морщась от холода. Свежий синте-гель на ране на лбу — толстый слой, затягивающийся плёнкой, которая должна была остановить кровь и ускорить заживление.

Он выглядел уставшим. Измученным. Но в его глазах — живых, человеческих, — горел огонь. Тот самый, который не гаснет, даже когда тело уже готово упасть.

— Он колеблется, — тихо сказала Алиса. Её голос — механический, с помехами — был слышен только Каю. — Благодарность борется с подозрением. Я вижу это по его движениям. Он держит дистанцию. Не подходит близко.

— Да, — отозвался Кай. — Он спасён, но не понимает, зачем мы это сделали. Думает, что у нас есть какой-то скрытый мотив. Может быть, мы хотим захватить его корабль. Может быть, мы работаем на кредиторов. Может быть, мы — ловушка, которую подстроил ему кто-нибудь, чтобы добраться до него.

— А если он решит, что мы опасны? — прошептала Алиса. — Что тогда? У нас нет оружия. Наши тела повреждены. Мы едва держимся на ногах. Если он высадит нас на следующей станции... или просто откроет шлюз...

— Тогда мы хотя бы будем честны, — ответил Кай. Его голос был ровным, спокойным, хотя внутри его процессор лихорадочно просчитывал варианты. — Ложь, хвастовство и самообман уже однажды привели меня к рабству. Я подпи-

сал тот контракт. Потому что был уверен, что меня не обманут. Потому что думал, что я умнее всех. Больше я не стану прятаться. Не стану врать. Не стану притворяться тем, кем не являюсь.

— Но правда может его напугать, — возразила Алиса. — Кто поверит, что в роботах — человеческие мозги? Кто поверит, что двое беглецов с астероида-тюрьмы, которых везли в трюме как мусор, — это люди, запертые в железе? Он подумает, что мы сумасшедшие. Или что мы пытаемся его обмануть.

— Тот, кто сам видел тёмную сторону этого мира, — сказал Кай. — Феликс не выглядит наивным. Он видел многое — по его глазам, по его шрамам, по тому, как он держится. И, возможно, поймёт. Не сразу. Не до конца. Но поймёт.

— Ты действительно веришь, что он поможет? — спросила Алиса. В её голосе — механическом, с помехами — прозвучала нотка, которую Кай не слышал давно. Надежда.

— Я верю, что стоит рискнуть, — твёрдо ответил Кай. — Даже если ошибусь, я буду знать, что был честен. А честность — это единственное, что у нас осталось.

Феликс остановился перед ними — в трёх метрах, не ближе. Достаточно далеко, чтобы успеть среагировать, если роботы вдруг нападут. Достаточно близко, чтобы видеть их вилы, их повреждённые корпуса, их неподвижные позы.

Он посмотрел на них долгим взглядом. Десять секунд, которые показались вечностью. Кай не отводил взгляда — на-

сколько робот может отводить взгляд. Он просто смотрел в ответ. Ждал.

В глазах Феликса читалась борьба. Благодарность — они спасли его и его дочь от кредиторов, от побоев, от унижения. Смешивалась с подозрением — кто они, эти роботы, откуда взялись, почему оказались в трюме пиратского фрегата, зачем вмещались. Страх — а вдруг они опасны, вдруг это ловушка, вдруг они работают на кого-то кто хочет ему навредить. И надежда — маленькая, слабая, но живая, — что, может быть, эти двое — не враги. Может быть, они — те, кто поймёт.

Наконец он заговорил. Голос его был хриплым, сорванным — то ли от боли, то ли от волнения.

— Вы спасли меня и мою дочь. — Он сделал паузу, словно собирался с мыслями. — Меня зовут Феликс, а её — Зара. Вы, наверное, уже поняли это из разговоров. За это я перед вами в долгу. Большом долгу. Такие вещи не забываются.

Он тяжело вздохнул, прошёлся по отсеку, словно искал место, где можно сесть, и опустился на старый ящик — деревянный. Ящик жалобно скрипнул под его весом, но выдержал.

— Эх, хорошая была станция, — сказал он, и в его голосе прозвучала искренняя горечь. — «Эребус-3». Работы там много. Заказы. Запчасти. Люди, которые платят. А теперь... — он махнул рукой, — жаль, нам теперь сюда вход закрыт из-за этого инцидента. Нас запомнили. Наши лица — в базе

данных. Корабль — в розыске. Мы теперь нелегалы. Всё, что я строил годами, рухнуло за десять минут.

Он посмотрел на Кая, на Алису, снова на Кая.

— Но, с другой стороны, спасибо вам, что помогли нам выкрутиться из этой заварушки. Если бы не вы... — он не договорил, только покачал головой. — Ладно. Ближе к делу. Кто вы такие на самом деле? И почему вас везли в трюме как мусор? Я видел, как вы дрались. Вы не похожи на обычных роботов. У вас есть... своя воля. Свои мысли. Вы — не машины.

Кай помолчал. В его голове — его законсервированном, защищённом нанороботами мозге — пронеслась целая буря. Стоит ли рисковать? Стоит ли говорить правду? Алиса права — кто поверит? Но он уже принял решение.

— Мы — люди, Феликс, — сказал он, глядя прямо в глаза собеседнику. — Кай и Алиса. Наши мозги — наши живые, настоящие мозги — вживили в тела роботов. Мы бежали с астероида-тюрьмы, где нас держали в рабстве. И нам нужна помощь.

К удивлению Кая, Феликс даже не удивился. Он не отшатнулся, не побледнел, не схватился за оружие. Он просто молча кивнул, словно услышал то, что и ожидал услышать. Потом сказал:

— Я помогу вам. Чем смогу.

Кай почувствовал, как напряжение, скрутившее его сервоприводы, слегка ослабло.

— Ты не удивлён, — заметил он. — Большинство людей на твоём месте закричали бы или убежали.

— Не особо, — пожал плечами Феликс, и этот жест — такой человеческий, такой живой — заставил Кая вспомнить, каково это — быть человеком. — «Криосон» по слухам давно промышляет такими вещами. Превращает людей в роботов. Использует их мозги как процессоры. Я слышал истории от старых космонавтов, от механиков, от торговцев, которые возят грузы на окраины. Но никогда не встречал живых жертв. Думал, что это байки. Страшилки для новичков.

Он помолчал, разглядывая их.

— Рассказывали, что где-то в закрытых секторах, куда патрули не залетают, есть заводы, где людей замораживают, извлекают мозги и вставляют в роботов. Говорили, что эти роботы работают на шахтах, на опасных производствах, там, где обычные механизмы не выдерживают. Что они не знают, кто они. Что их заставляют забыть. — Он покачал головой. — Я не верил. Думал, что это сказки для детей, чтобы слушались. А теперь... теперь вижу вас. И понимаю, что сказки — это не всегда сказки.

— К сожалению, — тихо сказала Алиса. — Иногда сказки — это самая страшная реальность.

— Это корпорация, которая считает, что сознание — ресурс, — добавил Кай. — Как вода, как воздух, как руда. Им неважно, чьи мозги работают в теле робота, лишь бы выполняли приказы. Лишь бы не задавали лишних вопросов.

Лишьбы не пытались сбежать.

— И вы смогли сбежать? — спросил Феликс, и в его голосе впервые прозвучало искреннее удивление. — С такого объекта? Где охрана, системы слежения, «Церберы», дроны?

— С помощью друга, — ответила Алиса. Её голос дрогнул — насколько может дрогнуть механический динамик. — Он пожертвовал собой, чтобы мы смогли уйти. Взорвал себя вместе с экспериментальным роботом, который нас преследовал. Если бы не он, нас бы уже не было. Мы были бы разобраны на запчасти или снова заперты в клетке.

Феликс помолчал. Его лицо стало серьёзным, почти суровым.

— Сочувствую. Потерять того, кто помог... Это тяжело. Я знаю. Я терял. Много раз. Друзей. Близких. Жену... — Он замолчал на мгновение. — Такое не забывается.

— Да, — кивнул Кай. — Но мы дали слово. Умиравшему другу. Найти тех, кто стоит за всем этим. Марко Веласкеса и Лину Чжан. И забрать то, что нам принадлежит по праву.

Кай не стал рассказывать Феликсу про три миллиона кредитов и чертежи технологии усиления нейросетей. Они ещё были слишком мало знакомы, чтобы доверять такую информацию. Доверие — как старый, ржавый механизм, — его нужно смазывать и проверять, прежде чем использовать на полную мощность.

— Марко Веласкес и Лина Чжан, — повторил Феликс, пробуя имена на вкус. — Кто они?

— Люди, которые убили Гектора, — сказал Кай. — Нашего друга. И которые, возможно, знают, как остановить этот конвейер смерти.

— Понял, — кивнул Феликс. — И вы хотите...

— Найти нормальные биосинтетические тела, — продолжил Кай. — Слышал про «Neo Soma» — они выращивают тела с нейросовместимыми портами. Дорого, но возможно.

Феликс присвистнул. Его взгляд стал задумчивым, профессиональным — как у человека, который привык считать деньги.

— Около полумиллиона за тело, — прикинул он. — Плюс операция по переносу. Плюс реабилитация. Плюс документы. Если делать всё легально — ещё дороже. Если через «Чёрный рынок» — дешевле, но опаснее. Вас могут обмануть, подсунуть бракованный товар, или вообще украсть ваши мозги во время операции. Я слышал такие истории.

— Деньги — это наживное, — не стал раскрывать все карты Кай. — Заработаем.

— И куда вы планировали бежать дальше? — поинтересовался Феликс. — У вас есть план? Или вы просто летите наугад?

— На Цереру, — сказал Кай. — У нас есть координаты одного места, про которое нам рассказал друг. Вдруг там действительно окажется что-нибудь полезное. — Он помолчал. — Вот мы с Алисой и решили оттуда начать. Церера — большой астероидный пояс. Там много заброшенных стан-

ций, тайников, старых складов. Может быть, повезёт.

— Церера, — повторил Феликс, и его лицо стало ещё серьёзнее. — Опасное место. Там нет законов. Там правят банды. Если вы туда сунетесь без подготовки, вас ограбят, убьют или продадут в рабство. Это не та окраина, где можно спрятаться и ждать. Там — джунгли.

— Мы знаем, — сказала Алиса. — Но у нас нет выбора.

— Значит, вы не просто беглецы, — задумчиво произнёс Феликс. — Вы — угроза для «Криосона». Для их бизнеса. Для их секретов. Если узнают, что вы живы и свободны, они пошлют за вами охотников. Наёмников. Пиратов. Всех, кто возьмётся за работу.

— Мы — те, кто хочет вернуть себе жизнь, — твёрдо сказал Кай. — И вернуть свободу тем, кто всё ещё заперт в железных телах. Не больше. Не меньше.

Феликс поднялся с ящика. Прошёлся по отсеку — раз, другой, третий, — словно собираясь с мыслями. Потом подошёл к стене и постучал костяшками пальцев по обшивке «Скитальца». Металл отозвался глухим, звонким звуком — как колокол, который зовёт на молитву.

— «Скиталец» — мой дом, — сказал он. — Мой единственный дом. Я живу здесь уже десять лет. Здесь выросла моя дочь. Здесь я прятался от кредиторов, от штормов, от охотников за головами. И я отвечаю за тех, кто на нём находится. Каждый член экипажа — моя ответственность. Их жизнь — моя жизнь.

Он повернулся к Каю и Алисе. В его взгляде больше не было колебаний.

— Вы спасли мою дочь. Не меня — её. А это для меня дороже, чем моя собственная жизнь. Теперь я в долгу перед вами. И я отдам этот долг. Чем смогу.

— Почему? — спросила Алиса. В её голосе — механическом, с помехами — прозвучало искреннее недоумение. — Мы же даже не люди в привычном смысле. Мы — железо. Мы — расходный материал. Нас везли в трюме как мусор. Нас хотели разобрать на запчасти. А вы готовы рисковать ради нас?

Феликс усмехнулся. Не горько — тепло, по-отечески.

— Потому что вы поступили как люди, — сказал он. — Когда могли просто спрятаться. Когда могли остаться в гряде хлама и делать вид, что вы — нерабочие роботы. Когда могли не вмешиваться. Но вы выбрали помочь. Рискнули собой. Ради нас — чужих людей, которых вы даже не знали. А я выбираю помочь вам. Потому что так поступают люди. Не машины. Не роботы. А настоящие, живые люди. Какими вы и являетесь.

Он протянул руку — не для пожатия, а как жест, открытый, почти братский.

— Добро пожаловать на борт, Кай и Алиса. Отныне вы — часть команды «Скитальца». Если вы, конечно, согласны.

Кай посмотрел на его руку. Потом на Алису. Потом снова на Феликса.

Он протянул свою — левую, с тремя пальцами, повреждённую, но ещё работающую. Металл коснулся металла — холодно, безжизненно. Но Кай чувствовал тепло.

— Согласны, — сказал он. — Мы согласны.

Вечером — или тем, что на корабле называли вечером, когда внутренние часы переключались на ночной режим, а освещение становилось приглушённым и тёплым, — Феликс пригласил их в маленькую кают-компанию на ужин.

Помещение было крошечным — стол на четверых, за которым едва можно было развернуться, пара шкафчиков с посудой, синтезатор пищи, встроенный в стену. Но здесь было уютно. Стены украшали голографические фотографии — Зара в детстве, Феликс с женой, какой-то пожилой мужчина в форме космолётчика, должно быть, отец или друг.

Для Феликса и Зары это была обычная синте-еда из корабельного пищевого синтезатора — безликие кубики с нейтральным вкусом, которые заменяли всё: мясо, овощи, хлеб, даже десерты. Но для Кая и Алисы это стало первым общением с настоящими людьми в непринуждённой обстановке за очень долгое время. Они не ели — им не нужно было есть, — но они сидели за столом, слушали, наблюдали, учились быть частью чего-то большего, чем просто борьба за выживание.

Зара с любопытством рассматривала этих неуклюжих на первый взгляд роботов. Её глаза — живые, внимательные — скользили по их корпусам, по царапинам и вмятинам, по по-

тускневшим визорам.

— А вы помните, как были людьми? — спросила она. В её голосе не было страха — только искреннее, детское любопытство.

— Конечно, — ответила Алиса. Её визор — синий, мягкий — мерцал в полумраке. — Я помню запах дождя. Настоящего, земного. Когда он идёт, воздух становится свежим, чистым, и хочется дышать глубже. Я помню ощущение ветра на коже — как он играет с волосами, как приносит запахи трав, цветов, моря. Я помню тепло солнца — как оно греет лицо, как закрываешь глаза и чувствуешь, что ты жив. Я помню всё это. И скучаю. Каждый день.

— А я помню, как играл на гитаре, — добавил Кай. Его голос — механический, с помехами — стал тише, словно он боялся спугнуть воспоминания. — Это было давно, но я до сих пор слышу те аккорды. Слышу, как пальцы бегают по струнам, как дерево вибрирует, когда я прижимаю его к груди. Слышу музыку. Она была во мне. Она была мной. А теперь... теперь музыка затихла. Осталась только в памяти.

— Это так странно, — покачала головой Зара. — Жить в железном теле и помнить, каково это — быть человеком. Помнить чувства, ощущения, желания. Помнить всё, чего у тебя больше никогда не будет.

— Страннее и страшнее, когда тебя лишают этой памяти, — сказал Феликс. Он смотрел в свою тарелку с синте-едой, но, казалось, не видел её. — Когда заставляют забыть, кто ты

есть. Когда стирают твою личность, как ненужный файл. И ты живёшь, но ты уже не ты. Ты — пустая оболочка. Функция.

— Именно это и сделал «Криосон», — кивнул Кай. — Они не просто заперли нас в железных телах. Они пытались заставить нас забыть. Стереть наши воспоминания, наши мечты, нашу волю. Превратить нас в послушные машины, которые работают и не задают вопросов. Но у них не получилось. Мы выжили. Мы помним. И мы боремся.

Алиса рассказала о побеге — как они планировали, как рисковали, как потеряли Гектора, как прятались в трюме пиратского фрегата. Кай рассказал о жизни на астероиде — о бесконечных циклах работы, о скрежете кирок, о радиоактивной пыли, которая оседала на корпусах.

Зара, в свою очередь, рассказывала о своих приключениях с отцом. О станциях, где они бывали — от роскошных, с парками и фонтанами, до грязных, опасных, где каждый второй — преступник. О странных существах, которых встречала в космосе — о разумных амфибиях с планеты-океана, о молчаливых кристаллических формах жизни, которые общались с помощью света, о пиратах, которые оказались не такими страшными, как о них говорят.

— Я однажды видела живое растение, — сказала она, её глаза загорелись. — Настоящее. С зелёными листьями, с цветами, которые пахли мёдом. Оно росло в оранжерее на станции «Кристалльная». Я стояла и смотрела на него целый час.

Не могла отвести глаз. Это было так красиво. Так... живо.

Они смеялись. Смеялись над её рассказами, над своими неудачами, над тем, как Кай пытался открыть заклинившую дверь в ангаре и чуть не оторвал себе руку. Они обсуждали прошедший день — как бежали от кредиторов, как прятались, как дроны охотились за ними. И в этом смехе, в этих разговорах, в этом тепле, которое разливалось по тесной кают-компании, было что-то человеческое. То, что не купишь за деньги. То, что нестроишь в чип. То, что можно только почувствовать.

— Вы когда-нибудь были влюблены? — спросила Зара вдруг, глядя на Алису.

Алиса замерла. Её визор — синий, мягкий — мигнул.

— Да, — сказала она тихо. — Давно. В прошлой жизни. Я была молодая, красивая. У меня был парень. Мы гуляли по вечерам, держались за руки, целовались под дождём. Я думала, что это навсегда. Но потом... потом я заболела. И он ушёл. Не выдержал. Сказал, что не может смотреть, как я умираю.

— А вы? — спросила Зара, поворачиваясь к Каю.

Кай молчал долгую минуту.

— Я не был влюблён, — сказал он наконец. — Я был занят. Работал, взламывал системы, убегал от проблем. Думал, что успею. Думал, что время ещё есть. А потом — авария. И триста лет рабства.

— Это нечестно, — сказала Зара. — Вы заслужили лю-

бовь. Оба.

— Может быть, — сказал Кай. — Может быть, мы ещё за-
служим. Когда вернём себе человеческие тела. Когда будем
свободны.

Феликс поднял кружку с синте-кофе.

— За свободу, — сказал он. — И за то, чтобы однажды
вы смогли снова держаться за руки. По-настоящему.

— За свободу, — повторили они.

В этот момент — когда кружки звякнули о кружки, когда
смех стих, когда тепло разлилось по тесной кают-компании
— корабль содрогнулся.

Сначала Кай подумал, что это ему показалось. Но потом
— удар. Сильный, резкий, как удар кувалдой по корпусу. Ко-
рабль накренился — тарелки соскользнули со стола, разбив-
шись о пол, кружки покатались, проливая синте-кофе. Где-
то в глубине «Скитальца» раздался глухой, металлический
грохот — что-то тяжёлое пробило обшивку.

Сирена разгерметизации взвыла по всему кораблю —
пронзительно, резко, как крик раненого зверя. Красные лам-
пы замигали в такт её вою, отбрасывая на стены кровавые
тени.

На панели управления, встроенной в стену кают-компа-
нии, вспыхнули красные индикаторы. Кай подскочил к ней,
его сенсоры зафиксировали данные:

АВАРИЙНАЯ СИГНАЛИЗАЦИЯ

Тип: ПРОБОИНА КОРПУСА

Местоположение: грузовой отсек, сектор 3-В

Скорость потери давления: 8 % в минуту

Оценка времени до критического состояния: 2 минуты

РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕМЕДЛЕННАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ

ПРОБОИНЫ.

ГРУЗОВОЙ ОТСЕК — УРОВЕНЬ 3. ТРЕБУЕТСЯ АВАРИЙНАЯ БРИГАДА.

— Микрометеоритный поток! — крикнул Феликс, вскакивая. — Автоматическая система не успела среагировать! Мы вошли в поле обломков, а радар не предупредил!

— Как такое возможно? — спросила Зара, прижимаясь к стене.

— Обломки были слишком мелкие, — ответил Феликс, хватая аварийный комплект с инструментами. — Радар их не засёк! Один из них пробил обшивку!

Воздух с шипением устремился наружу — Кай слышал этот звук даже через закрытые двери отсека. Сначала тихий, едва различимый, он быстро нарастал, превращаясь в вой, который, казалось, проникал в самое нутро. Корабль уже начал терять давление.

Кай и Алиса, не задумываясь, бросились к пробоине. Они бежали по коридорам, лавируя между открывающимися дверями и падающими с полок ящиками. В грузовом отсеке было темно — аварийное освещение работало лишь на треть, отбрасывая длинные, пляшущие тени на стены.

Пробоина зияла в стене — рваная, неправильной формы,

с острыми краями, которые блестели в темноте, как зубы хищника. Сквозь неё был виден космос — чёрный, пустой, безжалостный. Звёзды, которые ещё минуту назад казались такими красивыми, теперь смотрели на них холодными, равнодушными глазами.

Кай бросился к пробоине и прижался к ней спиной. Его броня — старая, изношенная, но всё ещё крепкая, — выдержала давление. Воздух перестал выходить — по крайней мере, через дыру. Кай чувствовал, как его корпус гудит, как нагреваются системы охлаждения, как процессор выдаёт предупреждение за предупреждением. Но он держался.

— Быстрее! — крикнул он. — Я долго не продержусь!

Алиса, действуя с отработанной точностью, которую можно было выработать только находясь в теле робота, начала готовить аварийную заплатку. Она схватила металлический лист — толстый, с усиленной кромкой. Этот лист был частью двери отсека, Алиса его оторвала, своей усиленной рукой, оценив размер пробоины.

— Феликс! Держи! — крикнула она, передавая лист ему.

Он схватил его, прижал к пробоине — поверх спины Кая, поверх рваных краёв отверстия. Металл заскрежетал о металл.

— Давай!

Алиса активировала сварочный аппарат — маленький, портативный, с тонким соплом, из которого вырвалась голубоватая, ослепительно яркая дуга. Она начала сплавлять ме-

таллический лист с обшивкой. Сварочный аппарат прихватил с собой Феликс, но сейчас он держал платину, так что приваривать пришлось Алисе.

Искры брызнули в стороны — горячие, шипящие, они падали на пол, оставляя чёрные, обугленные пятна. Воздух наполнился запахом озона и расплавленного металла.

Кай чувствовал, как тепло от сварки проникает в его корпус, как нагреваются его внутренние системы.

— Ещё немного... — напряжённо сказала Алиса, водя сварочным аппаратом по краям заплатки. — Держись, Кай!

— Держусь, — ответил он сквозь стиснутые зубы (мысленно).

Наконец, последний шов был завершён. Алиса отключила сварочный аппарат, и тишина — относительная, прерываемая лишь воем сирены — вернулась в отсек.

Кай отступил от стены. Заплатка держалась — металл блестел свежими швами, ещё горячими, ещё дымящимися. Сирена затихла, красные индикаторы сменились на зелёные. Давление стабилизировалось.

— Готово, — сказала Алиса, вытирая рукой пот с визора. Жест, который был чисто человеческим, чисто привычным.

Феликс подошёл ближе. В его взгляде больше не было сомнений. Только тепло. Только принятие.

— Вы не просто роботы, — сказал он. — Вы — люди. Вы доказали это снова. Настоящие, живые люди, которые оказались в железных телах. И я рад, что вы на моём корабле. Рад,

что вы — часть моей команды.

Алиса смотрела на него, и её визор — синий, мягкий — мерцал.

— Спасибо, — сказала она. — Мы... мы не ожидали такого. Мы думали, что будем прятаться всю жизнь. Что никто не примет нас. Что мы всегда будем чужими.

— Вы не чужие, — сказал Феликс. — Вы — такие же, как мы. Может быть, внутри у вас железо, но снаружи — души. А души не ржавеют.

Он протянул руку. И Алиса, не колеблясь, протянула свою — металлическую, прохладную, но живую.

— Добро пожаловать домой, — сказал он.

Алиса повторила это слово про себя — пробуя его на вкус, словно давно забытый деликатес.

— Домой, — прошептала она, пробуя как-бы на вкус это слово. — Мы никогда не были дома. Мы всегда были в клетке. Но теперь... теперь, кажется, мы нашли его.

Кай подошёл к ним, встал рядом. Два ржавых робота и двое людей. Разные. Но теперь — вместе.

«Скиталец» летел дальше, разрезая черноту космоса. И звёзды, казалось, светили им чуть ярче.

Глава 5

После ужина, после аварии с пробойной, после того как страх и адреналин улеглись, а синте-кофе в кружках остыл, Феликс откинулся на спинку кресла и посмотрел на Кая и

Алису долгим, изучающим взглядом. В его глазах больше не было подозрения — только усталость, облегчение и что-то похожее на задумчивость человека, который принимает важное решение.

— У меня есть идея, — сказал он наконец. — Хорошая идея. Думаю, вам она понравится.

Кай и Алиса переглянулись. В их визорах — зелёном и синем — мелькнул одинаковый вопрос: «О чём он?»

— Я могу оформить вас как ремонтных инженеров-роботов на мой корабль, — продолжил Феликс, обводя рукой кают-компанию. — Легально. С документами, серийными номерами, историей производства и местом регистрации. Так вы сможете свободно перемещаться по станциям без риска быть опознанными как беглецы. Никто не задаст лишних вопросов, потому что у вас будет законное право на существование.

Кай замер.

Его оптические сенсоры — на мгновение замерцали. Мозг — его законсервированный, защищённый нанороботами мозг — обрабатывал информацию, перебирал варианты, взвешивал риски. Он не ожидал такого предложения. Он готовился к худшему — что их высадят на ближайшей станции, что их сдадут властям, что Феликс потребует плату за спасение. Но не к этому.

Свобода. Легальная свобода. Не побег, не маскировка, не притворство — а настоящее, официальное право быть.

— Ты... серьёзно? — спросил Кай. Его голос — механический, с помехами — прозвучал хрипло, почти надломлено. — Ты готов рискнуть ради нас? Ради беглецов, за которыми, возможно, охотится «Криосон»?

Феликс усмехнулся. Не горько — тепло, по-отечески.

— Риск минимален, — сказал он, пожимая плечами. — Наёмники часто берут роботов на борт. Для ремонта, для обслуживания, для грязной работы, которую не хочется делать руками. Никто не удивится, увидев двух механиков-роботов на мостике. Главное — правильные документы. Бумажка — или, в нашем случае, цифровая запись — решает всё.

Алиса подошла ближе. Её шаги не были тихими, — в каждом движении чувствовалось напряжение.

— Но ведь это опасно для тебя, — сказала она. — Если узнают, что мы не просто роботы... Если кто-то проверит наши документы слишком тщательно... Если «Криосон» выйдет на твой след... Тебя могут арестовать. Или хуже. Ты рискуешь всем — кораблём, дочерью, свободой.

Феликс посмотрел на неё. В его глазах — живых, усталых — горел огонь.

— Узнают — будем разбираться тогда, — сказал он. — А пока у нас есть шанс начать всё с чистого листа. Для вас — особенно. Вы заслужили второй шанс. Вы спасли мою дочь. Вы рисковали собой, когда могли спрятаться. Вы починили пробоину, когда могли остаться в стороне. Я вам верю. А вы — верите мне?

Кай почувствовал странное ощущение — то, что раньше называлось «мурашками по коже». Только теперь у него не было кожи, не было мурашек, было только железо и провода. Но ощущение — это странное, почти забытое чувство — вернулось. Будто кто-то провёл тёплой ладонью по его спине.

— Спасибо, — просто сказал он. — Я... даже не знаю, что ещё сказать. Слова кажутся такими пустыми. Такими маленькими. А я чувствую... что должен сказать что-то большое. Что-то важное. Но не могу подобрать слов.

— Не надо слов, — улыбнулся Феликс. — Просто помогайте мне с кораблём. Чините, что сломалось, следите за системами, подсказывайте, если я делаю что-то не так. Этого достаточно. Будете моими глазами и руками — и, если честно, я давно искал таких помощников. Одному на «Скитальце» тяжело. А Зара... ей бы учиться, а не работать наравне с отцом.

Алиса опустила голову. Жест был почтительным, почти человеческим.

— Мы не подведём, — сказала она.

— Не надо слов, — покачал головой Феликс. — Просто делайте, что должны. А я буду делать, что должен. И всё получится.

Используя свои старые связи — те самые, что он копил годами, работая наёмником, помогая людям, выручая их из беды, — Феликс за три дня организовал оформление документов. Цепочка посредников была длинной и запутанной,

как лабиринт, но каждый её участник знал своё место и не задавал лишних вопросов.

Кай наблюдал за этим процессом через корабельные сенсоры, но не вмешивался. Он доверял Феликсу. Впервые за долгое время — доверял.

Процесс выглядел так:

Первый посредник — старый знакомый Феликса, механик на станции «Дельта-7», по имени Хендрикс. Низенький, коренастый, с седой щетиной и вечно закопчённым комбинезоном. Он не любил болтать, но умел делать дело. Хендрикс связал Феликса с торговцем данными — загадочной фигурой, известной только под псевдонимом «Продавец». Никто не знал, как он выглядит, где живёт и как его найти, если он сам не захочет.

Торговец данными передал запрос человеку, имевшему доступ к архивам «Механикс-Индастриал» — старой, полузакрытой корпорации, которая когда-то производила роботов-ремонтников. Этот человек, бывший архивариус, уволенный за сокращением штата, но всё ещё имеющий нужные доступы, за небольшую плату (2000 кредитов) подделал записи о производстве двух роботов модели RM-74X «Ремонтник». Он внёс серийные номера, даты выпуска, даже подписи инженеров, которые якобы проводили финальную проверку.

Документы прошли через ещё двух посредников — каждый взял свой процент (500 кредитов, 300 кредитов), но не задавал лишних вопросов. Они просто передавали цифро-

вые файлы дальше, как эстафетную палочку, проверяя, что информация не повреждена и что её невозможно отследить до источника.

— Это похоже на паутину, — заметила Алиса, когда Феликс объяснял ей схему. — Каждый следующий знает только предыдущего. Никто не знает всей картины.

— Именно, — кивнул Феликс. — Так безопаснее. Если кто-то из них попадётся, он не сможет выдать остальных. А мы — останемся в тени.

Новая легенда для Кая и Алисы звучала так:

ЛЕГЕНДА — RM-74X «РЕМОНТНИК»

Модель: RM-74X «Ремонтник»

Статус: устаревшая, но надёжная серия

Визуальное сходство: модель частично совместима с корпусами

серии «Шахтёр-7» (использовались общие платформы)

Производитель: завод «Механикс-Индастриал», сектор 12-В

Год выпуска: 70 лет назад

Серийные номера: RM-74X-8842 (Кай), RM-74X-8843 (Алиса)

История эксплуатации:

- 70-60 лет назад: работа на удалённых аванпостах системы Ориона (горнодобывающие платформы)

- 60-50 лет назад: переведены на станцию «Порт-Атлас» (обслуживание малых судов)

- 50-10 лет назад: хранение на складе (станция «Мёртвый камень»)

- 10 лет назад: активированы, модернизированы, переведены

на корабль «Скиталец»

Причина перевода: устаревание, сокращение штата на аванпостах,

перераспределение активов, списание с баланса корпорации

Текущее место службы: корабль «Скиталец»

Владелец: Феликс (регистрационный номер FR-8821)

Дата регистрации: [текущая дата]

Специализация: ремонт и техническое обслуживание малых

космических судов (сертификация — уровень 3)

Дополнительно: нейросетевые сертификаты действительны,

обслуживание проводилось на станциях «Дельта-7» и «Порт-Оазис».

Последняя профилактика: 6 месяцев назад (акт № 8842/01).

Каждый посредник вносил изменения в локальные базы данных на своих станциях — добавлял записи о прохождении профилактики, о проведённых ремонтах, о техническом обслуживании. Эти записи, разбросанные по десяткам независимых серверов, создавали иллюзию долгой, непре-

рывной истории существования этих роботов. Если кто-то из инспекторов решил бы проверить их прошлое, он наткнулся бы на сотни согласованных, непротиворечивых записей, которые доказывали: Кай и Алиса — настоящие, легальные роботы-ремонтники, а не беглые рабы с человеческими мозгами.

Когда процесс завершился, Феликс распечатал их документы на трёх разных станциях, в трёх разных форматах: для патрулей, для таможни, для случайных проверок. Каждый документ имел уникальный серийный номер, голографическую защиту и цифровую подпись.

— Теперь вы — официальные лица, — усмехнулся Феликс, протягивая им пластиковые карты с их новыми идентификаторами. — Можете вздохнуть с облегчением.

Кай взял карту — тонкий, гибкий пластик с голографическим изображением его нового серийного номера. Он смотрел на неё, и его процессор — его законсервированный, защищённый мозг — не мог поверить.

«Всё. Мы сделали это. Теперь мы — не беглецы. Не товар. Не расходный материал. Мы — часть системы. Легальные. Настоящие. Живые».

В базах данных станций теперь значились два робота-ремонтника, приписанных к кораблю «Скиталец». Их можно было проверить, запросить историю, даже вызвать для сверки — всё совпадало, всё было правильно, всё было честно.

Кай стоял у иллюминатора, глядя на проплывающие звёз-

ды — холодные, далёкие, бесконечные. Его внутренние системы работали стабильно: процессор — в норме, температура — в норме, энергопотребление — в норме. Но в его сознании — там, где когда-то билось человеческое сердце, — бушевала буря эмоций.

«Свобода, — подумал он. — Это... свобода. Не та, которую я чувствовал, когда мы вырвались с астероида. Не та, которую я чувствовал, когда мы сбежали от пиратов. Не та, которую я чувствовал, когда мы покидали станцию. Другая. Глубокая. Настоящая. Свобода жить, не прячась. Свобода дышать, не оглядываясь. Свобода быть собой, не притворяясь другим».

Он посмотрел на свои руки — металлические, с тремя пальцами, с царапинами и вмятинами.

«Я не должен никому подчиняться. Ни системе, ни «Церберам», ни «Криосону». Могу принимать решения сам. Отвечать за них сам. Жить своей жизнью — не чужой. И это... почти пугает. Пугает до дрожи. Потому что у меня нет оправданий. Нет «меня заставили». Нет «я не выбирал». Только я. И мои выборы».

Алиса заметила его растерянность. Она подошла тихо — её шаги были почти бесшумными — и осторожно коснулась его руки своим манипулятором. Металл коснулся металла — холодно, безжизненно. Но в этом прикосновении было тепло. Тепло, которое не измерить градусами.

— Кай, что случилось? — спросила она. — Ты выгля-

дишь... потерянным. Стоишь здесь уже десять минут. Не двигаешься. Не реагируешь. Я позвала тебя трижды — ты не ответил.

Кай повернулся к ней. Его визор — зелёный, мягкий — мерцал в полумраке.

— Я привык думать, что мир жесток, — признался он. — Что в нём нет места доброте, что все ищут выгоду, что дружба — это просто сделка, где каждый хочет получить больше, чем отдать. Триста лет рабства... они меняют человека. Даже если этот человек заперт в железном теле. Ты начинаешь верить, что вокруг — только враги. Что любой, кто предлагает помощь, на самом деле хочет тебя обмануть. Что лучшее, что можно сделать — держаться подальше. Не доверять. Не надеяться.

Он помолчал.

— А Феликс... он прямо на глазах меняет моё отношение к людям. Не словами — делами. Рискует собой. Рискует дочерью. Ради нас. Двух роботов, которых он даже не знает. Зачем? Ради выгоды? Нет. Ради благодарности? Может быть. Но я чувствую, что не только. Что-то ещё. Что-то, что я потерял давно и забыл, как называется.

— Доверие, — тихо сказала Алиса. — Он вернул нам доверие. К людям. К себе. К тому, что мир не обязательно жесток. Что есть место доброте. И она не всегда обман.

— Да, — кивнул Кай. — Доверие. Я думал, что оно умерло вместе с моим человеческим телом. Но оно было здесь —

зарыто глубоко, под слоями ржавчины и боли. Оно ждало. И теперь... теперь оно просыпается. Медленно. Осторожно. Но просыпается.

Алиса улыбнулась — насколько робот может улыбаться. Её визор — синий, мягкий — замерцал.

— Потому что Феликс и Зара — хорошие люди, — сказала она. — Несмотря на всё, что с ними случилось. Несмотря на долги, на кредиторов, на постоянный риск. Они остались людьми. Не ожесточились. Не закрылись. Они вернули нам не только документы, но и веру в людей. Веру в то, что не всё потеряно. Что есть за что бороться.

Кай повернулся к иллюминатору. Звёзды проплывали мимо — холодные, далёкие, равнодушные. Но теперь они казались ему не такими холодными.

— Странно, — сказал он. — Столько лет жить в страхе, подчиняться приказам, делать то, что тебе говорят, не задавая вопросов.

— Мы справимся, — уверенно сказала Алиса. — Вместе. Не ты один — мы. Ты и я. И Феликс с Зарой. Команда. Мы будем принимать решения вместе, ошибаться вместе, учиться на ошибках вместе. У нас всё получится, Кай. Я знаю. Чувствую.

Кай посмотрел на неё. В его визоре — зелёном, мягком — на мгновение вспыхнул тёплый свет.

— Знаешь, что я понял за всё это время? — спросил он. — Пока мы были на астероиде. Пока пробирались через тун-

нели. Пока сражались с «Церберами». Пока прятались в трюме пиратского фрегата. Я понял, что главное — не железо. Не броня. Не сервоприводы. А ты. Рядом. Твоя поддержка. Твоя вера в меня. Без тебя я бы сдался давно. Сломался. Потерял надежду.

Алиса молчала. Её визор — синий, мягкий — мерцал.

— Ты — моя опора, — продолжил Кай. — Моя связь с тем, что осталось от человечности. Когда я смотрю на тебя, я вспоминаю, зачем мы боремся. Не за месть. Не за свободу. А за возможность быть. Просто быть. Жить. Дышать. Чувствовать. И это... это дороже любых кредитов, любых новых тел, любой мести. Спасибо, Алиса. За то, что ты есть.

Она шагнула ближе. Их руки — две металлические, изувеченные руки — соприкоснулись. Металл коснулся металла. Но им казалось, что они чувствуют тепло.

— Спасибо, что не сдался, — сказала Алиса. — Спасибо, что пришёл за мной в разборочный цех. Спасибо, что верил в меня, когда я сама в себя не верила.

В этот момент в кают-компанию вошла Зара с подносом, на котором стояли кружки с горячим синте-кофе — её фирменный рецепт, с щепоткой корицы и каплей ванильного сиропа. Пар поднимался над кружками, закручиваясь в причудливые узоры, и запах — тёплый, домашний, почти земной — наполнил помещение.

— Папа сказал, что всё готово, — объявила она, ставя поднос на стол. Её глаза — живые, внимательные — сияли.

— Теперь вы — официальные члены экипажа «Скитальца»!
Добро пожаловать в семью!

— И очень ценные члены, — добавил появившийся следом Феликс. Он выглядел уставшим — под глазами залегли тени, на лице ещё виднелись следы недавних побоев, — но улыбался. Широко, искренне, по-отечески. — Без вас корабль бы давно рассыпался на запчасти. Честно. Я уже не успеваю всё чинить сам. А Зара... она хороший пилот, но механик из неё пока так себе.

— Папа! — возмутилась Зара, но в её голосе не было обиды. — Я учусь!

— Учись, учись, — усмехнулся Феликс. — Но пока пусть ребята работают. У них руки — золото.

Кай и Алиса переглянулись. В их визорах — зелёном и синем — мерцал один и тот же свет. Свет благодарности. Свет надежды. Свет нового начала.

Кай взял кружку — неуклюже, потому что его металлические пальцы не привыкли держать хрупкую посуду, — и поднял её.

— За «Скиталец», — сказал он. — За новый дом. За то, что мы больше не одни. За то, что у нас есть будущее.

— За будущее! — подхватила Зара.

— За команду, — добавил Феликс.

— За нас, — тихо сказала Алиса.

Кружки звякнули — металл о керамику, твёрдое о хрупком, — и этот звук показался Каю самым прекрасным, что

он слышал за триста лет. Потому что это был звук единства. Звук того, что они — не просто беглецы, не просто роботы, не просто расходный материал. Они — команда. Семья. Новое начало.

Потом они пили синте-кофе — Кай и Алиса, конечно, не могли пить, им не нужна была жидкость, — но они держали кружки в руках, чувствуя тепло, проникающее через металл, и это тепло было почти таким же настоящим, как то, что они помнили.

Зара рассказывала о своих планах — научиться ремонтировать двигатели, получить лицензию пилота дальнего радиуса действия, увидеть Землю своими глазами («Говорят, там небо голубое, а океаны — синие-синие, и вода пахнет солью и свободой»). Феликс вспоминал молодость — как он начал на грузовых кораблях, как встретил жену, как потерял её. Не плакал — просто рассказывал, и в его голосе была такая глубокая, щемящая тоска, что Кай почувствовал, как его собственные нейросети сжимаются в сочувствии.

Алиса рассказывала о своей прошлой жизни — о том, как работала в маркетинге «Криосона», как верила в бессмертие, как обманулась. Её голос — механический, с помехами — дрожал, но она не замолкала, потому что впервые за долгое время могла говорить свободно, не боясь, что её услышат враги.

Кай молчал больше всех. Он слушал. Впитывал. Запоминал. Каждое слово, каждую интонацию, каждый смех. Это

была его новая жизнь. И он не хотел потерять ни секунды.

Потом, когда синте-кофе остыл, а разговоры стихли, они разошлись по отсекам. Кай и Алиса остались в кают-компании — одни, в полумраке, нарушаемом лишь тусклым свечением приборов.

— Ты счастлив? — спросила Алиса.

Кай подумал.

— Кажется, да, — ответил он. — Впервые за триста лет. Кажется, да.

Они смотрели на звёзды через иллюминатор — две железные фигуры, застывшие в тишине, — и звёзды, казалось, смотрели на них в ответ. Обещая, что всё будет хорошо. Что они не зря прошли через ад. Что впереди — не только месть, но и жизнь.

Кай взял Алису за руку. Металл коснулся металла. Холодно. Безжизненно.

Но им было тепло.

Глава 6

Вечерние посиделки в кают-компании «Скитальца» уже стали небольшой традицией. После того как закончены все дела — двигатели проверены, системы откалиброваны, заплатки на корпусе протестированы, — команда собиралась за маленьким столиком, чтобы выпить синте-кофе, обсудить планы и просто побыть вместе. Это были те редкие часы, ко-

гда время текло медленно, без тревоги, без спешки.

Феликс и Зара заметили, что Кай и Алиса почти ничего не знают о мире за пределами их астероида. Триста лет рабства — триста лет изоляции — стёрли из их памяти не только воспоминания о прошлом, но и знание о настоящем. Мир ушёл вперёд, а они застыли в точке, где время остановилось.

— Вам нужно учиться, — сказал Феликс, разливая синте-кофе по кружкам. — Нельзя жить в космосе, не зная его правил. Иначе вы просто не выживете.

— Мы и так не выжили, — горько усмехнулся Кай. — Мы умерли триста лет назад. А теперь просто... существуем.

— Тогда тем более, — улыбнулся Феликс. — Второй шанс даётся не каждому. Используйте его с умом.

Зара, которая всегда была в курсе новостей — она подписывалась на десятки информационных каналов, скачивала дайджесты на каждой станции, — вызвалась быть учителем. Она подошла к стене, коснулась панели управления, и кают-компания погрузилась в полумрак. На стене засветилась голографическая карта — объёмная, пульсирующая, с сотнями точек, линий, секторов.

— Смотрите, — начала Зара, увеличивая изображение одной из звёздных систем. — Люди теперь живут на десятках терраформированных планет и сотнях орбитальных станций. Вот, например, Эдем-3 — аграрный мир.

Она развернула проекцию, и перед Каем предстала планета — зелёная, голубая, живая. Она напоминала старую Зем-

лю, ту, что он помнил по фотографиям и голо-фильмам, ту, которой больше не существовало в том виде, в каком он её знал.

— Там зелёные поля, — говорила Зара, и её голос светлел, становясь почти мечтательным. — Настоящие, живые, с травой по пояс, с полевыми цветами, которые распускаются на заре. Леса — густые, тенистые, с деревьями, которым сотни лет. Реки — прозрачные, холодные, с рыбой, которую можно ловить руками. Воздух пахнет травами и цветами, а небо — голубое, как на старой Земле, с белыми, пушистыми облаками, которые плывут медленно, не торопясь.

Кай смотрел на эту картинку, и его процессор — его законсервированный, защищённый мозг — вдруг оживил забытое ощущение. Вкус воздуха после дождя. Запах мокрой земли. Шум листвы под ветром.

«Я помню это, — подумал он. — Я помню, каково это — быть живым. Быть там. Дышать. Чувствовать. Скучаю. Как же я скучаю».

Феликс подхватил рассказ, переключая карту на другой сектор.

— А вот Стальной Гигант — промышленный гигант, — сказал он, указывая на тёмную, мрачную точку. — Покрыт сталью и стеклом, солнце никогда не пробивается сквозь смог. Город-завод. Город-машина.

Проекция изменилась. Кай увидел бесконечные ряды фабрик, заводов, перерабатывающих комплексов — они

уходили вдаль, до самого горизонта, сливаясь в единый, гигантский механизм. Небо было серым, почти чёрным — плотный слой выхлопных газов и промышленной пыли, сквозь который не пробивался даже свет звёзд.

— Там работают заводы, выплавляющие сплавы для космических кораблей, — продолжал Феликс. — Титан, вольфрам, редкоземельные металлы — всё, что нужно для постройки флота. Воздух ядовит, без респиратора там не продержаться и часа. Но зарплаты высокие — люди едут туда со всей Галактики, чтобы заработать, накопить и уехать в более зелёные места.

— Знакомая история, — заметил Кай. — Триста лет прошло, а люди всё те же. Одни работают в аду, чтобы другие жили в раю.

— Именно, — кивнул Феликс. — Мир изменился, но не настолько, как хотелось бы.

Зара переключила проекцию, показывая карту Галактики — огромную, пульсирующую сеть из звёзд, систем, торговых путей.

— В центре — Центральные Миры, — сказала она, подсвечивая яркое пятно в середине карты. — Они контролируются корпорациями. Там есть законы, защита, образование и медицина.

Она увеличила изображение одной из планет.

— Например, Новая Терра. Там университеты — лучшие во всей Галактике, исследовательские центры, где со-

здают новые технологии, парки с живыми растениями, театры, музеи, концертные залы. Жить там престижно, но дорого. Квартира на Новой Терре стоит как целый корабль. Но люди платят — за безопасность, за комфорт, за статус.

— А мы сейчас на окраине центрального мира, — добавил Феликс, обводя рукой пространство вокруг «Скитальца». — Не в центре, не на фронтире. Так, середнячки. Ни богатые, ни бедные. Свободные наёмники.

— Далее идёт Фронтир, — Зара подсветила внешнее кольцо карты. — Самые окраины изученных миров, где мы с вами встретились и откуда едва сбежали.

— К Фронтиру относятся и всякие астероидные пояса, — продолжил Феликс. — Жить там сложно: удобств минимум, закона почти нет. Зато такие места очень нравятся пиратам.

Он увеличил изображение одного из секторов.

— Например, Пояс Весты. Там десятки заброшенных станций, астероидов с шахтами, старые исследовательские базы, которые бросили лет пятьдесят назад. Идеальное место, чтобы спрятаться. Пираты прячут там награбленное, ремонтируют корабли, ждут, пока утихнет шум.

Кай вглядывался в карту — серые, безжизненные точки, затерянные среди звёзд. Он вспомнил тот астероид, откуда они с Алисой сбежали, но его снова отвлёк Феликс.

— А теперь — немного истории, — сказал Феликс, откидываясь на спинку кресла. — Чтобы вы понимали, как мы здесь оказались.

Он начал рассказывать — медленно, с паузами, будто сам вспоминал то, что учил когда-то давно.

— 2150 год — начало терраформирования первых планет. Марс, Венера, несколько спутников Юпитера. Люди поняли, что Земля задыхается, что ресурсов осталось на пару поколений. И начали искать новый дом. Первые колонии были маленькими, грязными, опасными. Но люди выжили.

— 2187 год — корпорации получили контроль над ресурсами центральных миров. Не правительства, не союзы, а именно корпорации. «Криосон», «Галактик Индастриал», «КосмоТех». Они скупили земли, шахты, заводы. Они стали законом.

— 2201 год — первые орбитальные станции стали полноценными городами. Не просто перевалочные пункты, а настоящие города с населением в сотни тысяч человек. Со школами, больницами, полицией. Со своими законами и своими преступниками.

— 2230 год — появление крупных пиратских группировок. Те, кому не нашлось места в новом мире, взяли оружие и корабли. Стали грабить. Стали убивать. Стали теми, кого боялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.